

НАЦИОНАЛЬНОЕ МИРОВИДЕНИЕ И СТРУКТУРА ЯЗЫКА (ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Анализируются закономерности формирования посредством синтаксиса естественного языка оппозиционной пары «конформизм — нонконформизм» и рассматривается, как в заданных языковыми структурами границах создается (а впоследствии — передается) историческая модификация национальных особенностей транслятором второго порядка — словарным составом языка.

Начиная с 20-х годов XX века представители лингвистического структурализма Пражской школы рассматривали значимость бинарных противопоставлений (двоичных оппозиций) применительно к языковой системе. Позднее сходные методы были распространены на объекты, изучаемые в других гуманитарных науках, в том числе в этнологии¹ — при этом оказалось, что исследуемые в этой науке явления отчетливо обнаруживают бинарную структуру или же более сложные отношения, сводимые к бинарным и к их преобразованиям². Логично предположить, что именно оппозиционные пары формируют границы поля смыслов культуры. Некоторые из этих пар культурноспецифичны³, некоторые представлены практически во всех культурах⁴; последние, вероятно, можно отнести к базовым. Именно об одной из таких пар пойдет речь.

Обществу для нормального функционирования необходим определенный уровень конформности его членов. Однако если все члены общества во всех ситуациях будут проявлять конформное поведение, то обществу грозит катастрофа. Причина в том, что социальное существование (особенно сложно социально организованных обществ) включает в себя не только стандартные ситуации,

разрешение которых опирается на традицию (что является одной из черт конформистского мышления), но и нестандартные, способ выхода из которых лежит вне поля традиционных смыслов. Таким образом, логично предположить, что оппозиционная пара «конформизм—нонконформизм» является одной из базовых пар. Однако у этой пары есть определенная специфика: поскольку экстремальные, нестандартные ситуации — скорее исключение при нормальном функционировании общественного организма, то в целом уровень проявления конформизма должен быть выше уровня проявления нонконформного поведения.

И эксперименты подтверждают это. Первым из них является эксперимент А. Шерифа⁵, основанный на специфике автокинетического эффекта (иллюзия восприятия, возникающая при наблюдении за неподвижной, мерцающей в полной темноте точкой: наблюдателю кажется, что она перемещается). Используя эту иллюзию, Шериф давал задание человеку определить приблизительное расстояние до точки и направление ее движения. При индивидуальном эксперименте ответы испытуемых различались в широком диапазоне, но, будучи сведенными в одну группу, люди начинали корректировать свои оценки, и на чет-

вертый день групповой работы мнения совпадали.

Однако еще более показательным был эксперимент С. Милграма⁶. Экспериментатора интересовало, в какой степени испытуемый готов подвергнуть другого человека наказанию по приказу «сверху» и какова сила этого наказания. В эксперименте участвовал испытуемый, играющий роль «учителя», и «ученик» — подсадной. Якобы проверялось воздействие на память о наказании: «учитель» зачитывал задание и при неправильном ответе наказывал «ученика» ударом тока — за первый неправильный ответ — 15 В, затем сила удара постепенно увеличивалась на 15 В за каждую ошибку. Шкала была размечена до 450 вольт. «Ученика» — подсадного — испытуемый не видел, однако мог слышать. По договоренности, после удара током в 75 В «ученик» начинает стонать, после воздействия импульсом в 150 В — кричит и требует прекратить эксперимент. Если «учитель» начинает колебаться, то находящийся все время рядом экспериментатор говорит: «Необходимо продолжать». Перед проведением экспериментов Милграм провел опрос: какое, по мнению опрашиваемых, количество людей дойдет до предельной отметки и где предположительно остановится большинство участников эксперимента. Опрошенные сочли, что нормальные люди способны «дойти» до 135 вольт. Большинство было уверено, что никто не «дойдет» до 450 вольт — в среднем шансы были равны один к ста. По мнению 40 опрошенных Милграмом психиатров, эта цифра должна была бы равняться один из тысячи — и этот человек должен был быть садистом.

Результаты эксперимента: 63% испытуемых прошли всю шкалу до 450 В. Милграм провел эксперимент повторно — до 450 В «дошли» 65%.

Эксперименты говорят о том, что людям присуща ярко выраженная установка к конформизму; она является бессознательной (никто из участников эксперимента Шерифа не осознавал, что причиной изменения его первоначальной

версии является желание прийти к компромиссу с другими испытуемыми), и при прогнозировании собственного поведения человек склонен значительно преуменьшать собственный конформизм. В контексте же исследуемой нами оппозиции можно заключить, что в ситуациях незначимых практически все люди стремятся не к отстаиванию своей первоначальной версии, а к нахождению компромисса с группой; если же ситуация идет вразрез с какими-либо нормами, установками человека, то в этом случае, при преобладании конформистской реакции мы наблюдаем и неконформистское поведение (по данным эксперимента Милграма, в 35–37% случаев).

Однако, судя по материалам исследований, процент проявления конформного поведения в разных обществах не одинаков. Причину обнаружили американские этнографы и психологи во главе с Г. Барри⁷. Вначале, изучив 104 культуры, они убедились, что некоторые из культур четко ориентированы на воспитание уступчивости и сопредельных качеств (то есть конформистской установки), другие столь же четко нацелены на формирование у детей стремления к самоутверждению. Возникает вопрос: чем обусловлен выбор того или другого типа воспитания? Американские исследователи предположили, что группа заинтересована в формировании у детей в первую очередь тех качеств, которые им пригодятся во взрослой жизни в обществе с определенным типом хозяйственной деятельности. Далее общества с разными типами хозяйств были условно разделены на две большие группы — «с большими запасами пищи» и «с малыми запасами пищи» (к первой относятся скотоводы и земледельцы, а ко второй — охотники и собиратели). В первой группе материальные ресурсы производятся и накапливаются совместно, поэтому функциональны такие качества, как коллективизм, добросовестность, ответственность, послушание, ориентация на традицию; воспитание детей в таких обществах нацелено на формирование именно этих качеств. Во

второй группе форма труда — не коллективистская, другой человек воспринимается скорее как соперник, претендент на твою потенциальную добычу. Иными будут и требования к личности: от охотника ожидается самостоятельность, независимость, смелость, умение рисковать, уверенность в себе. Формированию этих качеств и уделяется максимальное внимание при воспитании детей. И этнографические материалы подтверждают эту гипотезу⁸.

Таким образом, один тип хозяйственной деятельности (земледелие, скотоводство) обуславливает большую склонность к конформизму, другой (охота, собирательство) — к неконформизму.

Однако, хотя в механизированном и урбанизированном современном обществе изменился сам способ хозяйственной деятельности и выделенные Барри типы уже не являются актуальными, но эксперименты фиксируют значимые различия в уровне конформности представителей разных обществ и в настоящее время⁹. Представляется логичным, что, являясь чрезвычайно важным для полноценного функционирования общества, доминирование конкретной установки было закреплено в каком-то транслирующем механизме, который не прекратил свое существование с изменением способа ведения хозяйства, а продолжает передавать бывшую когда-то значимой установку, формируя специфическим образом национальную ментальность. Поскольку структура ритуальных действий, обычаев и нормативов обыденной жизни претерпела глобальные изменения с древнейших времен до современного дня, то, хотя они также, несомненно, являются трансляторами национальных черт, однако — вторичными, и искать интересующий нас механизм надо в другой области. Кроме того, поскольку, с одной стороны, особенности этого механизма позволяют ему долгое время сохранять без особых изменений необходимую когда-то установку (что говорит о его надежности и устойчивости), а, с другой стороны, для существования об-

щества необходимо наличие обеих установок у его представителей, то кажется правомерным, что именно этот наиболее устойчивый и надежный механизм должен транслировать специфическую для конкретного этноса конфигурацию конформистской и неконформистской установки. Таким механизмом и является язык, а точнее, структура организации предложения (ибо словарный состав находится в постоянном обновлении, и это связано, по мнению лингвистов, с законами развития самого языка, а не с появлением новых слов и понятий, хотя последнее и играет некоторую, но не самую значительную, роль)¹⁰.

Несомненно, что при усвоении родного языка у ребенка формируется фильтрующая сетка, заставляющая воспринимать мир в определенных категориях — еще в 1956 году Уорф писал: «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит — языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе, как правило, потому, что мы — участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного речевого коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка. Это соглашение, разумеется, никак и никем не сформулировано и лишь подразумевается, и тем не менее, мы — участники этого соглашения; мы вообще не сможем говорить, если только не подпишемся под систематизацией и классификацией материала, обусловленной указанным соглашением»¹¹.

Однако очевидным это не стало. В лингвистике доминирующим был и, по сути, остался подход, основателями которого стали Л. Блумфильд и Н. Хомский.

Общий принцип этого подхода — исследование языка с формальной точки зрения, с одной стороны, не рассматривая язык в качестве носителя значений, а, с другой стороны, отрицая даже возможность того, что и сам способ формализации языкового материала можно также проинтерпретировать с точки зрения его значения. Например, в книге С. Пинкера «Языковой инстинкт» (с хвалебным отзывом Н. Хомского) читаем: «...нет никаких научных данных, свидетельствующих о том, что языки существенным образом формируют образ мышления носителей этих языков. Идея, что язык формирует мышление, казалась правдоподобной, когда ученые ничего не знали о том, как происходит процесс мышления, и даже о том, как можно это исследовать. Теперь, когда знают, как следует «мыслить о мышлении», стало меньшим искушение приравнивать его к языку только по той причине, что слова легче пощупать руками, нежели мысли»¹². Он высмеивает предположение, что фундаментальные категории действительности не наличествуют в реальном мире, а налагаются культурой, напрочь отвергая теорию Уорфа («чем более мы рассматриваем аргументы Уорфа, тем менее осмысленными они кажутся»¹³).

Разумеется, при достаточной распространенности эта точка зрения не является всеобщей, хотя количество ее приверженцев достаточно велико. Однако, несмотря на наличие обширной критики, предложенный Уорфом взгляд на язык представляется логичным, а исследования в этой области — достаточно перспективными. Но Уорф, утверждая значимость языковой системы при восприятии мира, рассматривал данный вопрос в целом, не затрагивая специфику конкретных грамматических категорий или синтаксических моделей. Однако именно анализ конкретной языковой действительности способен разрешить этот спор, и поэтому задача автора — рассмотреть одну из особенностей русской грамматики, попробовав понять, как она может влиять на наше национальное

мировосприятие. Кроме того, специфика кодирования мира языком (в особенности исследование его синтаксического строя) дает возможность гораздо глубже исследовать культурные установки, чем непосредственный анализ культурных проявлений, ибо последние объемны, многозначны и находятся в постоянном изменении, тогда как лингвистические правила конкретны, обозримы и лишь в малой степени изменяются (причем изменения лишь в малой степени касаются синтаксиса, а направлены в основном на коррекцию словарного запаса).

Таким образом, представляется, что базовые особенности национального мировидения могут быть проявлены также через анализ структуры предложения, отражающей специфику модификации оппозиционной пары «конформизм — нонконформизм».

Специфика нонконформистской установки в русском характере и особенности структуры предложения

Синтаксис естественного языка — это не просто особый случай формальной организации знаков в имеющие различные структуры модели. Синтаксис также кодирует определенный способ осмысления мира и, усваивая его, ребенок таким способом (разумеется, не единственным) приобщается к национальному миропониманию. Какие основные особенности присущи структуре русского предложения? Прежде всего — отсутствие жестко заданной схемы расположения в нем различных частей речи. Эта особенность не является характерной ни, скажем, для английского, ни для немецкого, ни для французского, в которых их расположение достаточно жестко фиксировано. Рассмотрим это подробнее. В предложении глагол-сказуемое связан прежде всего с двумя типами существительных: с подлежащим (*кто?*) и дополнением (*кого?*). В тройке П(одлежащее) — Д(ополнение) — Г(лагол) возможны шесть разных порядков:

1. П-Д-Г	Рука руку моет
2. П-Г-Д	Рука моет руку
3. Г-П-Д	Моет рука руку
4. Г-Д-П	Моет руку руку
5. Д-Г-П	Руку моет рука
6. Д-П-Г	Руку рука моет

Первое, на что обратим внимание, это положение глагола — в отличие от многих языков (в том числе от рассматриваемых европейских), в которых его положение жестко фиксировано, в русском возможен любой из рассмотренных трех вариантов его расположения («Ехал Грека через реку», «Его имя я так и не вспомнил», «Лиза дала яблоко младшей сестре»).

Что касается подлежащего и дополнения, то в самых распространенных в мире порядках слов в предложении подлежащее всегда идет раньше; в русском же возможен любой вариант взаиморасположения (и «Таня тебя зовет», и «Тебя зовет Таня»). Конечно, взаимоотношения подлежащего, сказуемого и дополнения — это не единственные взаимоотношения в предложении. Однако и при рассмотрении взаиморасположения других членов предложения мы обнаруживаем ту же закономерность — в русском языке расположение не жестко фиксировано. Например, взаиморасположение прилагательного и существительного. В английском прилагательные всегда стоят перед существительными (такой порядок характерен для многих языков, например для китайского, венгерского, армянского и пр.) языков, в которых прилагательное всегда следует за существительным, гораздо меньше, но они тоже встречаются — например, суахили. Существуют также языки, в которых прилагательное может располагаться как перед существительным, так и после него — к ним относится и русский (мы можем сказать и «Какое утро необыкновенное!», и «Сегодня — необыкновенное утро»).

Подведем краткий итог. Для русского языка характерно отсутствие жесткой структуры предложения — подлежащее и сказуемое относительно друг друга могут располагаться любым образом; в

тройке подлежащее — сказуемое — дополнение в русском языке также возможно любое расположение; значительной гибкостью обладают и другие члены предложения (выраженные прилагательными, наречиями, местоимениями и пр.). Конечно, во многом такая свобода обусловлена наличием падежей, которые помогают установить связь между словами (в языках с отсутствием падежей взаимосвязь между словами помогает установить порядок их расположения). Однако и при наличии падежей мы не всегда обнаруживаем в языке свободу расположения частей речи — например, в немецком языке четыре падежа, и, следовательно, он может себе позволить свободу расположения слов, однако, скажем, положение глагола там жестко фиксировано (хотя оно и различно для разного типа предложений).

Итак, в русском языке не существует жесткой конструкции, предписывающей членам предложения определенные места. Что такой способ организации слов может вносить в национальный характер? Например, создание базы для формирования специфической оппозиции по отношению ко всему, что выступает в качестве внешней организующей силы. Наиболее ярко это проявляется в отношении русского человека к «власть предержащим» и к закону. Многие исследователи русской истории придают большое значение тому, что они называют «русским антилегализмом», «пренебрежением к закону», «русским правовым нигилизмом» или «глубоко укорененной традицией антиправовых предрассудков»¹⁴. Специфику отношения русского человека к «власть предержащим» и к закону, характерную для русской ментальности, отмечают в своих работах и современные авторы. Например, отечественная исследовательница этносов С. В. Лурье выделила центральную зону ментальности, которая, по ее концепции, состоит из трех аспектов: 1) локализации источника добра, включающего Мы-образ и образ покровителя; 2) локализации образа зла — образа врага; 3) представления о способе

действия, при котором добро побеждает зло. Так вот, по ее мнению, источником добра в традиционной русской ментальности рассматривалась община (мир), а врагом — источником зла, находящимся в постоянном конфликте с народом, — государство¹⁵. Подтверждение этой мысли мы можем также встретить в русской сказке. Хотя один из расхожих исторических мифов — вера народа в «доброту царя», однако сказки указывают на наличие противоположных чувств, на бытующие представления о несправедливости по отношению к народу не только царских вельмож, но и самого царя. Например, одна из сказок рассказывает о загробных мучениях недоброго к простому народу царя: на нем черти воду возят и погоняют его дубинками¹⁶. Отраженное в сказке недовольство царем, уверенность в его неправильном поведении дополняется также неоднократно повторяющимися сюжетами о том, как мужик стал царем¹⁷ и, выражаясь современным языком, справедливо перераспределит блага¹⁸.

Идею С. Лурье подтверждает также следующая отечественная специфика: в системе русской ментальности важнейшим способом действия, ведущим к победе добра над злом, является отнюдь не закон, устанавливаемый «врагом» — государством. Отражением этого является и отмеченное Ю. М. Лотманом «устойчивое стремление русской литературы увидеть в законе сухое и бесчеловечное начало в противоположность таким неформальным понятиям, как милость, жертва, любовь»¹⁹. Эту же особенность русской ментальности обнаружили российские психологи при исследовании морального и правового развития современной молодежи. Как отмечают авторы, слова из протокола выполнения задания — «Не по закону, а по совести» — «содержат в себе основной результат исследования: противопоставление закона и совести буквально лежало на поверхности ответов»²⁰.

Кроме отмеченного, антитезой закону в русской картине мира выступает также

справедливость. В какой-то степени это слово культуроспецифично, ибо точных переводных эквивалентов в западных языках оно не имеет: близкие по значению слова в рассматриваемых языках подчеркивают законность (!) (французское «juste», английское «just»), честность (английское «fair»), правоту говорящего (немецкое «gerecht»). На первый взгляд может показаться, что в основу русского понятия справедливости также отчасти входит понятие правоты (корень «-прав-» входит в основу слова), однако этот корень указывает, скорее, не на правоту говорящего, а сближает понятия «справедливость» и «правда». Действительно, в парах «закон — справедливость» и «истина — правда»²¹ первые слова выступают по отношению к человеку холодными, отчужденными, дистантными, в то время как вторые тесно связаны с человеком (в этом контексте весьма характерно высказывание Тургенева: «Истина не может доставить блаженства... Вот Правда может. Это человеческое, наше земное дело... Правда и Справедливость!»). Кроме того, поскольку люди знают о мире разные вещи, то это может вести к тому, что у них оказываются разные представления о жизни — отсюда выражение «у каждого своя правда»; однако и в случае со справедливостью мы, с одной стороны, далеко не всегда можем сразу понять, что в конкретном рассматриваемом случае ею является (это пародируется Г. Остером в «Ненаглядном пособии по математике»: «У старшего брата 2 конфеты, а у младшего 12 конфет. Сколько конфет должен отнять старший у младшего, чтобы справедливость восторжествовала и между братьями наступило равенство?»). С другой стороны, иногда с разных точек зрения справедливыми представляются противоположные вещи (например, анализируемые с разных позиций могут быть оценены как несправедливость и «уравниловка», и имущественное неравенство), то есть и правда, и справедливость не всегда обладают непосредственной очевидностью и связаны с личностными

оценками. В языковых исследованиях²² отмечаются и другие особенности рассматриваемого понятия. В частности, если для англоязычной и франкоязычной культур справедливость смыкается с законностью, то в русскоязычной такое явление не просто отсутствует, а наблюдается их противопоставление (!). А. Солженицын в книге «Россия в обвале» пишет: «Веками у русских не развивалось правосознание, столь свойственное западному человеку. К законам было всегда отношение недоверчивое, ироническое: да разве возможно установить заранее закон, предусматривающий все частные случаи?... Но вместо правосознания в народе всегда жила — и еще сегодня не умерла — тяга к живой справедливости». Верность данного утверждения подтверждают и результаты социологического исследования, проведенного РОМИР, в котором говорится, что «56,9% россиян согласны с утверждением, что власть должна управлять страной по справедливости, а не по букве закона»²³.

То есть в русской культуре в случае противоречия между законом и справедливостью непосредственное чувство обычно на стороне справедливости. Было проведено исследование отношения к законам, понимания справедливости и прав личности, мотивировки законопослушности у отечественных респондентов в контексте сравнения их морально-правовых суждений с суждениями представителей других стран (США, Дании, Италии и др.)²⁴. Сравнительный анализ показал, что у россиян более развитой оказалась способность к изменению и нарушению законов, чем у респондентов из других стран. О. Николаева, автор исследования, считает, что «это является следствием недостаточно сформированного понимания функции и ценности законов, при котором они воспринимаются не как целесообразные принципы устройства общества, а как аппарат репрессий и ограничения свободы»²⁵. Результаты исследования позволяют говорить о том, что в сознании отечественных рес-

пондентов изначально существует разграничение понятий «закон» и «мораль», что и вызвало трудности в определении «справедливого закона», так как понятие «справедливость» у россиян связано с областью нравственности, а законы считаются несправедливыми, бездействующими и необъективными. Что же касается исследований респондентов стран Запада, то результаты исследований Д. Тапп позволяют сделать вывод, что понятия «закон», «мораль», «справедливость» на первоначальном уровне осмысления слиты воедино²⁶.

Присущее русским отношение к закону, с одной стороны, и к справедливости, с другой, нашло свое отражение и в исследованном В. В. Знаковым феномене «нравственной лжи»²⁷. С помощью экспериментов, проведенных на различных российских выборках, он обнаружил, что статистически значимое большинство участников не только считают морально приемлемой так называемую «ложь во спасение», но и согласились бы, например, дать в суде ложные показания ради спасения невиновного обвиняемого. Сами респонденты объясняют это тем, что несовершенство законов допускает возможность осуждения невиновного, поэтому ложные показания в суде во имя спасения невиновного человека в психологическом и нравственном плане перестают быть ложными. Такая ложь понимается как «атрибут честности, необходимое условие справедливого отношения к людям, попавшим в беду». По мнению В. В. Знакова, истоки такого отношения коренятся в различном понимании «правды» и «истины» в русской культурной традиции. Согласно результатам его исследований, «правда» понимается русскими как категория, выражающая целостное мировоззрение человека, понятие, основанное на вере, традициях, представлении о справедливости в отношениях между людьми («жить по правде»), а «истина» — только «общезначимая обезличенная констатация соответствия высказывания действительности». В. В. Знаков приводит в при-

мер Ф. М. Достоевского, который неоднократно отмечал: когда русский человек вынужден выбирать между истиной и справедливостью, то он скорее предпочтет ложь, чем несправедливость. Таким образом, «истина» и «справедливость» в сознании русского человека в конкретных случаях вполне могут не совпадать, и справедливость всегда будет дороже истины, даже если для ее восстановления придется прибегнуть ко лжи. По мнению Знакова, это — один из ключевых моментов отношения к понятиям «правда», «ложь», «справедливость», «мораль», «закон» в русском этническом сознании.

Таким образом, отсутствие в русском языке жесткой структуры предложения создало благоприятную почву для формирования в основе национального менталитета оппозиции ко всяким формальным, отчужденным, дистантным понятиям и структурам (воплощениями которых являются закон и государство); предпочтение отдается вариативным, апеллирующим к личности, тесно с ней связанным понятиям (справедливость, правда, совесть и пр.).

Специфический неконформизм, определяемый отсутствием жесткой структуры предложения, хорошо виден и при сравнении значимых для такого поведения слов с соответствующими словами языка с жесткой структурой предложения. Для примера обратимся к английскому и русскому языку. И в том, и в другом есть два выражения для обозначения свободы — «liberty» и «freedom», «свобода» и «воля», однако, рассматривая значение этих существительных, можно убедиться: они в ряде случаев лишь частично соответствуют, а в некоторых своих значениях совсем не соответствуют друг другу²⁸.

Начнем с английских значений. В настоящий момент в английском языке, за исключением нескольких устойчивых сочетаний, употребление слова *liberty*, вообще говоря, ограничивается политическим дискурсом. Одновременно с изменением значения значительно уменьшилось и употребление слова *liberty* — в

корпусе текстов Шекспира содержится примерно 100 употреблений слова *liberty* на 1 млн слов, тогда как в современном корпусе COBUILD²⁹ содержится примерно 100 употреблений слова *liberty* на 10 млн слов.

Если слово *liberty* стало специализироваться на общественных правах, то слово *freedom* сосредоточено прежде всего на правах отдельного человека. Оно определяется как противоположность «вмешательству», «навязыванию» (а не, скажем, противоположность «рабству», «угнетению»); однако это — не возможность делать все, что захочешь, ибо в данном концепте неразрывно связаны, с одной стороны, личные права индивида, а с другой стороны, личные права других людей. То есть основным смыслом *freedom* можно назвать «ненавязывание» (раскрываемое, скажем, через следующее утверждение: «Может быть, я не могу делать все, что я хочу, однако никто другой не помешает мне делать то, на что я имею право»).

На первый взгляд может показаться, что русский концепт «свобода» в точности соответствует английскому концепту *freedom*. Однако это не так. Во всех русских словарях свобода толкуется с упоминанием слов «стеснять» или «стеснение», производных от «тесно», как если бы «свобода» состояла в освобождении из своего рода смирительной рубашки, материальной или психологической. Примеры употребления в СРЯ³⁰ даны следующие: «Никто не стеснял моей свободы. Я делал, что хотел, особенно с тех пор, когда расстался с последним моим гувернером-французом» (Тургенев); «участь ваша решена: я вас не стесняю... предоставляю вам полную свободу» (Писемский); или из Даля: «Никакой свободишки нет, теснят всем, отовсюду».

В словаре В. Даля³¹ дается следующее определение: «Свобода — своя воля, простор, возможность действовать по своему; отсутствие стеснения, неволи, рабства, подчинения чужой воли. Свобода — понятие сравнительное: она может относиться до простора частного, огра-

ниченного, к известному делу относящегося, или к разным степеням этого простора, и наконец к полному, необузданному произволу или самовольству». По-английски же понятие *freedom* не связано подобным образом со стихиями, с нестесненным дыханием, с бескрайним пространством, с необузданным поведением, с опьяняющей свободой движений. Английское *freedom* связано с личными правами индивида, с личным пространством, с тем, чтобы тебя «оставили в покое», с «приватностью» и личной независимостью. Кроме того, английский концепт *freedom* не является несовместимым с ограничениями и принуждением; напротив, он предполагает взгляд, при котором ограничения, налагаемые законом, могут считаться необходимой гарантией нерушимости личного пространства человека³².

В русском языке существует еще одно слово, которое часто переводится на английский язык как *freedom*, но в котором заключен еще один концепт — «воля». Г. Федотов описывает его следующим образом: «Воля есть прежде всего возможность жить, или пожить, по своей воле, не стесняясь никакими социальными узами, не только цепями. Волю стесняют и равные, стесняет и мир. Воля торжествует или в уходе из общества, на степном просторе, или во власти над обществом, в насилии над людьми. Свобода личная не мыслима без уважения к чужой свободе; воля всегда для себя. Она не противоположна тирании, ибо тиран тоже есть вольное существо. Разбойник — это идеал московской воли, как Грозный — идеал царя. Так как воля, подобно анархии, невозможна в культурном обществе, русский идеал воли находит себе выражение в культе пустыни, дикой природы, кочевого быта, цыганщины, вина, разгула, самозабвения страсти, — разбойничества, бунта и тирании... Определение «вольный» предполагает человека, который испытывает отвращение ко всякого рода ограничениям, принуждениям, путам, который ощущает потребность «раскинуться», «перелиться» через

любые границы, как река во время разлива. Слово *свобода* до сих пор кажется переводом французского *liberte*. Но никто не может оспаривать русскости *воли*. Тем необходимее отдать себе отчет в различии *воли* и *свободы* для русского слуха»³³. Этимологическая связь между словом *воля* в рассматриваемом значении и *воля* в значении «желание», вне всякого сомнения, повлияла на синхронную семантическую связь: это слово предполагает, что человек может жить «по желанию, по своей воле», делать все, что захочется.

Особенности русского синтаксиса (характеризуемого, в том числе, отсутствием какой-либо давящей структуры, которой должен соответствовать строй предложения) продуцируют рассмотренные формы сопротивления ограничениям — как специфически русское отношение к законам и правительству, так и способ мировосприятия, воплощенного в концепте «воля» — и то, и другое является проявлением одной и той же конформистской установки.

Конформистская установка русского менталитета и особенности языковой структуры

Другой спецификой русской грамматики является достаточно разветвленный, сложный вид согласования. В русском, в отличие от, например, рассматриваемого английского, слова связаны друг с другом не грамматической конструкцией, они согласуются по родам, падежам и числам, что позволяет менять расположение слов в предложении каким угодно образом, не изменяя смысла высказывания, — связи между словами легко обнаруживаются через имеющиеся согласования. В приводимой ранее таблице было указано шесть возможных вариантов расположения слов в предложении «Рука руку моет». Может быть, некоторые варианты не очень удачны, но с точки зрения грамматики русского языка они вполне возможны, и общий смысл во всех предложениях полностью сохраня-

ется. Причем сложность согласования не ограничивается просто количеством возможных комбинаций в соответствии с родом, числом и падежом (например, кроме наличия единственного и множественного числа с соответствующими правилами согласования необходимо также учитывать, что этим специфика данной категории в русском языке не исчерпывается, ибо, хотя категория числа существует и в английском, и во французском, и в немецком, однако в указанных языках она выражается только каким-то одним способом (в английском и немецком — внутренней флексией, во французском — супплетивизмом), в то время как в русском — тремя различными способами (окончаниями, ударением, супплетивизмом)³⁴.

Логично предположить, что столь сложный вид согласования в языке (род, число, падеж плюс разнообразные способы их выражения) продуцирует и сложный способ психологического и общественного согласования, оказывает непосредственное влияние на специфику формирования межличностных отношений. Они должны отличаться высоким уровнем дифференцированности и отсутствием дистантности, поверхностности в общении, большей эмпатией; и, напротив, если в языке жесткая структура предложения опосредует взаимосвязь между словами, то это отражается на взаимоотношениях, которые в целом будут более дистантны, поверхностны.

Для проверки высказанной гипотезы рассмотрим разницу между особенностями близкого, но не родственного типа отношений между людьми у носителей русского и английского языков (ибо структура предложений данных языков различается по указанному выше критерию). Первое, с чем мы сталкиваемся в таком исследовании, это обилие русских слов, дифференцирующих разного уровня близость отношений там, где англоговорящий обычно пользуется одним словом. А. Вежбицкая проводит тщательное сравнение данных концептов³⁵. Описывая основные именные категории русско-

го языка в этой области («друг», «подруга», «товарищ», «приятель-(ница)», «знакомый-(ая)»), она подчеркивает, что, в сущности, ни одно из этих слов не соответствует тому типу отношений, которое выделяет в этой области английский язык, обозначив его одним словом «friend». Это означает, что межличностные отношения в сфере дружеских отношений гораздо более дифференцированы у носителей русского языка, чем у англоговорящих, и представляют собой иную сетку отношений.

Разницу в близких межличностных отношениях у русскоязычных и англоязычных мы обнаруживаем и в словарях. Для сравнения возьмем по три словаря с каждой из сторон, начав с английских³⁶. Если в первом словаре еще идет речь о «близких отношениях» наравне с «хорошими», то в двух других говорится лишь об «удовольствии» от общения, «симпатии» к какому-то человеку (что вполне согласуется с обильным количеством такого рода «друзей»), а также приводится вариант трактовки, в котором для зачисления в эту категорию достаточно простого знакомства (!). Хорошо иллюстрирует данный факт замечание А. Вежбицкой о том, что в современном словоупотреблении носители английского языка чаще всего говорят о своих друзьях, используя выражения «приятность» («enjoyment»), «удовольствие» («pleasure») и «забава» («fun»)³⁷.

Объяснения в русских словарях³⁸ заметно отличаются от вышеприведенных. В них основной упор делается на духовную близость, преданность друг другу и готовность помогать. Большая часть общеупотребительных русских коллокаций со словом «друг» включает прилагательные, указывающие на «близость», «особость» связи («близкий друг», «задушевный друг», «лучший друг», «единственный друг», «неразлучные друзья») и описывает личные качества друзей («верный друг», «надежный друг», «преданный друг», «истинный друг»)³⁹, в то время как в современной англоязычной литературе чаще встречаются коллокации, описы-

вающие не личные качества «friends» или ценности дружбы, а выделяющие просто какую-то конкретную категорию людей — «мои американские друзья», «мои друзья-феминистки»⁴⁰ и подобные словосочетания⁴¹. В них прилагательное описывает некоторый вид «людей», а не некоторый вид «человека» и не относится к природе отношений, в отличие от рассматриваемых русских примеров. По мнению Вежбицкой⁴², наличие подобных сочетаний, весьма распространенных в современной речи англоговорящих, предполагает возможность большого количества друзей, которые могут быть даже классифицированы на базе определенных (неоценочных) признаков по разным коллективным категориям; однако, по сравнению с русскоговорящей средой, отношения между ними гораздо более формальны и не являются личными и исключительными, а охватывают целый класс людей, определяемый посредством единой неличностной характеристики.

Даже «лучшие друзья» у англоговорящих весьма многочисленны — об этом говорит, например, факт частого использования в современном английском языке выражение «best friends» во множественном числе⁴³. То же самое верно и в отношении выражения «close friend», которое может теперь относиться к дюжинам более или менее случайных товарищей⁴⁴.

Таким образом, требования, предъявляемые к другу в англоязычной и русской культуре, существенным образом различаются: если в первом случае основной упор делается на хорошие отношения, удовольствие от общения и симпатию к другу, то во втором случае связи между друзьями более тесные и интенсивные, предполагающие духовную близость и преданность, и, кроме того, отношения не ограничены только удовольствием от общения, но предполагают также способность разделить горе и готовность помочь в трудной ситуации, чего не ожидают от своих «friends» носители английского языка.

Разница между рассматриваемыми двумя подходами легко фиксируется людьми, имеющими возможность непосредственно сравнить, например, русскую и американскую культуры⁴⁵; о том же свидетельствуют и высказывания австралийских авторов⁴⁶.

Показательна также часто используемая стратегия, при которой приобретение новых «друзей» опосредовано ритуалом (каким-либо видом игры, различными объединениями и пр.). Эта стратегия широко разработана — в книге Паккарда⁴⁷ рассматриваются различные методы «немедленного включения», широко используемые для облегчения вхождения в какой-либо коллектив (по месту работы, по месту жительства) новым людям. В Англии, разумеется, традиции отличаются от американских, но неформальные отношения там также достаточно часто ритуально опосредованы — например, широко развитой клубной системой⁴⁸. Использование разработанных формальных способов показательно — как в языке формальная структура опосредует связи слов, так и при общении формальная структура выступает опосредующим (и скрепляющим) элементом.

При другом способе опосредования контролирующей структурой выступает сознание: в современном английском есть устойчивое выражение «to make friends» («делать друзей»), имеющее характер сознательного действия, в отличие от, например, русского «находить друзей», маркирующее непроизвольный акт (хотя по-английски тоже можно сказать «to find friend» («найти друга»), однако это выражение не является устойчивым). «Делание друзей» подразумевает желание, чтобы их было много (как в любом «процессе производства»), и сравнительно неразборчивый подход (чем больше, тем лучше — об этом говорит устойчивое употребление существительного в этом выражении во множественном числе⁴⁹). Наряду с этим установка на «делание друзей» требует деятельной активности в отношении связей с другими людьми, что вполне соответствует

картине мира людей с жесткой конструкцией предложения, в которой все рационально, и ты сознательно не только можешь, но и должен контролировать свою жизнь.

Итак, русскому, достаточно разветвленному типу согласования членов предложения соответствует закреплённая в словарном составе языка дифференцированность межличностных отношений, с отдельным вычленением отношений различной степени близости, с тщательной градацией их и закреплёнием за этими разными типами близости определенных ожидаемых действий. В языке же с отсутствием такого вида согласования, но с жесткой структурой предложения отсутствует также указанная особенность межличностных отношений, однако существует их опосредованность.

* * *

Подводим итог. Для успешного существования общества необходимо, чтобы его члены в бытовых ситуациях проявляли конформизм и следовали традициям, однако в критических — были способны на нестандартные действия. Это обуславливает значимость оппозиционной пары «конформизм — неконформизм» для человеческого существования. Кроме

того, в период формирования у этносов преобладает определенный тип хозяйственной деятельности, для успешности в котором требуется конформистская (либо неконформистская) установка. В результате оба члена оппозиционной пары с учетом значимой для этноса доминанты закрепляются в синтаксисе их языка, который затем выполняет роль транслирующей структуры. Синтаксис языка создает рамки, в которых возникает конкретная историческая модификация национальных особенностей. Эта историческая модификация, формируемая под влиянием различных факторов (отношения с соседними народами, внутриэтнические процессы, географический фактор и т. п.), закрепляется в фольклоре, ритуалах, обычаях, которые, будучи по сравнению с синтаксисом более подвижны, нестабильны и изменчивы, лишь встраиваются в сформированные конструкцией предложения границы. В настоящий же момент, в силу изменения исторических условий, приведших к разрушению большей части традиционных структур, основная роль по формированию и передаче конкретного исторического воплощения национального характера осталась также за языковым механизмом — словарным составом языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: *Lagopoulos A.-Ph. Semeiological Analysis of the Traditional African Settlement // Ekiotics. Vol. 33. № 195. 1972. P. 142–148.*; *Hocart A. M. Caste. New York, 1968.*; *Hocart A. M. King and Councilors. By R. Needham: Chicago and London, 1970.*; *Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.*; *Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1985.*

² См., напр.: *Толстой Н. И., Толстой С. М. К семантике правой и левой стороны в связи с другими символическими элементами / Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1974. № 1(5). С. 42–45.*; *Толстой Н. И. О природе связей бинарных противопоставлений типа правый — левый, мужской — женский / Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 169–183.*

³ См., напр.: *Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы: Древний период. М., 1965.*; *Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.*; *Шайкевич А. Я. Слова со значением «правый» и «левый»: Опыт сопоставительного анализа // Учен. зап. 1 Моск. гос. пед. ин-та иностр. яз. М., 1960. Т. XXIII. С. 55–74.*

⁴ См., напр.: *Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973.*; *Иванов Вяч. Вс. Нечет и чет. Асимметрия мозга и динамика знаковых систем / Избранные труды по семиотике и истории культуры. М., 1998. Т. 1. С. 505–531.* *Harnad S., Doty R. W., Goldstein I., Jaynes J., Krauthamer G. Lateralization in the Nervous System. New York, 1977.*

⁵ *Sherif M. A Study of Some Social Factors in Perception // Archives of Psychology. 1935. XXVII. №187.*

- ⁶ *Milgram S.* Some Conditions Obedience and Disobedience to Authority // *Human Relations*. 1965. Vol. 18. № 1. P. 57–75.
- ⁷ *Barry H., Child I., Bacon M.* Relation of Child Training to Subsistence Economy // *American Anthropology*. 1959. Vol. 61(1). P. 51–63.
- ⁸ *Артемова О. Ю.* Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. М., 1987; *Мид М.* Культура и мир детства. М., 1988. С. 265.
- ⁹ *Милграм С.* Эксперимент в социальной психологии. СПб., 2000. С. 199–212.
- ¹⁰ *Плунгян В. А.* Почему языки такие разные? М., 2001. С. 12–33.
- ¹¹ *Whorf B. L.* Language, Thought and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf. Ed. John B. Carroll. New York, 1956. P. 213.
- ¹² *Pinker S.* The Language Instinct. New York: William Morrow. 1994. P. 58.
- ¹³ Там же. P. 60.
- ¹⁴ *Walicki A.* Legal Philosophies of Russian Liberalism. Oxford, 1987. P. 1.
- ¹⁵ *Лурье С. В.* Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. СПб., 1994.
- ¹⁶ *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. М., 1897. № 122.
- ¹⁷ Там же, напр., Правда и Кривда (№ 66а), Сказка про утку с золотыми яйцами (№ 144в).
- ¹⁸ Там же. № 113б.
- ¹⁹ *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. М., 1992. С. 260.
- ²⁰ *Воловикова М. И., Гренкова Л. Л., Морскова А. А.* Утверждение через отрицание // *Российский менталитет: Психология личности, сознание, социальные представления* / Под ред. В. А. Альбухановой-Славской и др. М., 1996. С. 91.
- ²¹ Различиям концептуализации «истины» и «правды» в русском языке посвящен целый ряд лингвистических работ: *Арутюнова Н. Д.* Истина: фон и коннотации // *Логический анализ языка: культурные концепты*. М., 1991; *Арутюнова Н. Д.* Речеповеденческие акты и истинность // *Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис*. М., 1992.; *Арутюнова Н. Д.* Правда и истина: проблемы квантификации // *Linguistique et slavistique: Melanges offerts a Paul Garde*. Aix-en-Provence, 1992; *Арутюнова Н. Д.* Истина и этика // *Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке*. М., 1995; *Перцова Н. Н.* Формализация толкования слова. М., 1988; *Степанов Ю. С.* Константы: *Словарь русской культуры: Опыт исследования*. М., 1997. С. 325–328.; *Шатуновский И. Б.* «Правда», «истина», «искренность», «правильность» и «ложь» как показатели соответствия/несоответствия содержания предложения мысли и действительности // *Логический анализ языка: Культурные концепты*. М., 1991.
- ²² *Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* За справедливостью пустой // *Логический анализ языка: Языки этики*. М., 2000; *Шмелев А. Д.* Функциональная стилистика и моральные концепты // *Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность*. М., 1999.
- ²³ «Известия» от 1.02.2002.
- ²⁴ Данные взяты: *Лебедева Н.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999. С. 135.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ *Знаков В. В.* Понимание правды и лжи в русской историко-культурной традиции // *Этническая психология и общество*. М., 1997. С. 119–126.
- ²⁸ При интерпретации значений приведенных выше слов я опираюсь на исследование данных концептов Анной Вежбицкой («Understanding Cultures Through their Keys Words: English. Russian. Polish. German. Japanese»). New York, 1997).
- ²⁹ *Collins Cobuild English Language Dictionary* / Eds. John Sinclair and Patrick Hanks. London, 1987.
- ³⁰ *Словарь русского языка*. АН СССР. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957–1962.
- ³¹ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1994. Репринтное издание. 1882.
- ³² См. *Berlin I.* Four Essays on Liberty. Oxford, 1969. P. 127; см. также *Walicki A.* The Marxian Conception of Freedom. P. 226. *Pelczynski Z., Gray J.* eds. Conceptions of Liberty in Political Philosophy. London, 1984.
- ³³ *Федотов Г.* Россия и свобода: Сборник статей. Нью-Йорк, 1981. С. 183.
- ³⁴ *Вендина Т. И.* Введение в языкознание. М., 2001. С. 230.
- ³⁵ См.: *Wierzbicka A.* Understanding Cultures Through their Keys Words: English. Russian. Polish. German. Japanese. New York, 1997.

³⁶ New Shorter Oxford English Dictionary (NSOED)/ Oxford, 1993; The American Heritage Dictionary of the English Language; Webster's Third New International Dictionary of the English Language. Springfield, Mass.: Merriam. 1976.

³⁷ *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. С. 335.

³⁸ Словарь синонимов русского языка. Академия наук СССР: В 2 т. Л., 1971; Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М., 1950–1965; *Мельчук И., Жолковский А.* Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984; Учебный словарь сочетаемости слов русского языка. М., 1978. С. 147.

³⁹ *Мельчук И., Жолковский А.* Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984. С. 293.

⁴⁰ *Brookner A.* *F Family Romance.* London, 1994. P. 215, 217.

⁴¹ *Bevan E. Dean.* *A Concordance to the Plays and Prefaces of Bernard Shaw.* Detroit, 1971.

⁴² *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. С. 326.

⁴³ *Rees N.* *Dictionary of Popular Phrases.* London: Bloomsbury, 1990.

⁴⁴ *Packard V.* *A Nation of Strangers.* New York, 1974. P. 174.

⁴⁵ *Sheapentokh V.* *Public and Private Life of the Soviet People: Changing Values in Post Stalin Russia.* New York, 1989. P. 170; *Hedrik S.* *The Russians.* London, 1976. P. 108–110; *Stewart E. C.* *American Culture Patterns: A Cross-cultural Perspective.* Yarmouth, Me.: Intercultural Press. 1972. P. 49.

⁴⁶ *King P.* *Quest for life.* Milson's Point, Australia; Random House. 1992.

⁴⁷ *Packard V.* *A Nation of Strangers.* New York, 1974.

⁴⁸ *Овчинников В.* Сакура и дуб. Киев, 1986. С. 228 — 465.

⁴⁹ *Packard V.* *A Nation of Strangers.* New York, 1974. P. 237.

A. Melnikova

NATIONAL WELTANSCHAUUNG AND STRUCTURE OF LANGUAGE: PHILOSOPHICAL-ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS

In this article regularities are analyzed of forming opposition couple «conformism-nonconformism» by means of natural language syntax and considered as vocabulary of language (translator of second range) creates and transmits a historical modification of national characteristics in boards determined by language structures.